

18+

НАТАЛЬЯ
АБРАМОВИЧ

The background is a vibrant, abstract illustration. It features a large, bright orange fish-like shape at the top, with several long, thin, orange lines extending downwards, resembling a tail or fins. Below this, there are large, soft, white and yellowish clouds against a teal background. In the lower half, a large, bright orange fish is shown from a close-up perspective, looking upwards. A thin black line, representing a magnifying glass handle, extends from the top of the page down to a circular lens that is focused on the fish's eye. The fish's eye is large and detailed, with a blue iris and a black pupil. The overall style is painterly and expressive.

**ЛЕТУЧАЯ
РЫБА**

Наталья Абрамович

Летучая рыба

«Издательские решения»

Абрамович Н.

Летучая рыба / Н. Абрамович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513902-3

Сборник малой прозы и стихов молодого автора. О простой жизни — о встречах и расставаниях, о поджатых в испуге коленках, о руках близкого человека, глядящих по волосам, о запахе яблок. О тебе.

ISBN 978-5-00-513902-3

© Абрамович Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Проза	7
Давайте будем жить вместе	7
Часть I	7
Часть II	9
Часть III	10
Я нарисую	12
В Париж!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Летучая рыба

Наталья Абрамович

*Посвящается моим учителям литературы:
Татьяне Макаровне Соковой
и Виктору Васильевичу Дягилеву*

Дарья Иванова *Дизайнер обложки*

© Наталья Абрамович, 2024

© Дарья Иванова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0051-3902-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга – первый личный сборник моих произведений. В неё включены стихи и проза разных лет. Я выбирала материалы из черновиков, написанных карандашом на обороте старых документов, из записей, набранных в заметках на телефоне. Из заданий, сделанных на курсах по художественным текстам, из рассказов, созданных для молодёжного театра, в котором я играю. Из стихов, которые я записывала в темноте наощупь, проснувшись ночью.

В этой книге я собрала лучшие из них.

Для вас.

Проза

Давайте будем жить вместе

Часть I

Щёлк – включилась лампа в прихожей. Света осмотрела себя в большом зеркале. Пиджак хорошо сел, подруга правильно тогда подсказала в магазине. Юбка тщательно выглажена, даже маленьких складочек не осталось. Небольшие серёжки из медицинской стали, часы на запястье на тонком ремешке. Отлично. В первый день на новой работе хочется произвести верное впечатление. Я новый сотрудник, смотрите, я аккуратная и ответственная, я не разочарую. Вдохнула, посмотрела на часы, выдохнула. Пора идти.

Добралась быстро, как хорошо: работа на той же ветке метро, что и дом. Доброе утро – начальнику. Вот ваше рабочее место, давайте знакомиться со всеми, Светлана.

Света идёт за начальником, осматривается: офис такой большой, а сотрудников мало, зато сколько компьютеров, всюду принтеры, массивный плоттер, которым перегорожена комната. Начальник представляет её чинно: «Познакомьтесь, это Светлана. Светлана, это Пётр». У каждого стола – замедление, короткое знакомство, затем движение дальше. У одного из столов – резкая остановка.

Начальник посмотрел на пустое кресло, затем на часы, хмыкнул. Затем они прошли дальше, но Света почему-то запомнила этот момент очень ясно, и потом он вспоминался ей, как кадр из фильма: стол, пустое кресло, слегка повернутое к проходу, на спинке висит полосатый шарф. У клавиатуры белая чашка с кофейными разводами внутри, много листочков с короткими записями на стене на кнопках.

Она прошла на своё рабочее место, день начался, коллега за соседним столом перевесила настенный телефон так, чтобы Свете тоже было удобно дотягиваться до трубки. Начальник выдал инструкцию по технике безопасности: «Прочитай, распишись, и вот там ещё документы». Со всех сторон застучали клавиши, кто-то поставил чайник и он шумно грелся, в коридоре зацокали секретарши.

Открылась входная дверь.

Светин стол стоял сразу у прохода, и она неосознанно подняла голову. Сперва она увидела полу плаща. Красивого мужского плаща тёмно-серого цвета. Руку, ещё держащую дверную ручку. Ворот свитера в тонкую полоску. Затём сразу: чёлку, тонкий нос, тонкие губы. Парень тряхнул головой, убирая чёлку набок, посмотрел на Свету. За окном солнце выглянуло из облака, осветило офис, в золотом луче стали видны пылинки. Золотые ресницы, серые глаза.

«Привет, я Паша», – подал руку, прямо через перегородку её стола. Она растерялась, протянула ладонь, сказала: «Света». Пылинки в золотых лучах прыгали туда-сюда, Светино сердце прыгало вместе с ними, в соприкосновении рук было что-то совершенно естественное и даже необходимое. Рука в руке – мягко, только мешает что-то твёрдое, что-то неприятное, что-то, чего она не хотела бы знать. Солнце опять спряталось, золотые пылинки исчезли, золотое кольцо на Пашиной руке осталось на том же пальце, где и было. Только теперь Света поняла, что это значит, но делать что-то было уже поздно – она почувствовала, что щекам горячо и внизу живота легонько ноет.

«Серов, опять опоздал?» – голос начальника прозвучал так резко, что Света чуть не вздрогнула.

«Не мог с утра найти свой шарф, обыскался, мне же без него ходить нельзя – сразу заболело».

Она чуть не выпалила: «На твоём кресле, полосатый, я видела», но вовремя прикусила язык.

Начальник ещё повозмутился, Паша ушёл на рабочее место, и вот теперь день действительно начался, покатился, как камушек с пригорка: сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее.

Каждое утро с тех пор она одевалась в платья и юбки. Джинсы и брюки, висевшие в шкафу на вешалках, сместились в угол, затем вовсе исчезли: Света перевесила их в шифоньер, где хранилась одежда не по сезону. Каждое утро она капала на запястья духи, любимый Герлен, еще каплю в локтевые впадинки, по капле за уши. Каждое утро – туфли. Кроме привычной пары на небольшом каблучке купила еще разные: с бантом сзади, с золотистыми цепочками, из красной замши, повыше, пониже, массивные и изящней. «Я красивая, я красивая, я хочу быть ещё красивей рядом с ним». Улыбалась виновато и понимающе: Паша был такой вежливый со всеми, такой чудесный. Бороться за него, сражаться с этим золотым кольцом на безымянном пальце казалось настолько ненужным, настолько бессмысленным и даже противоестественным. Просто быть где-то рядом, знать, что он тут, в этой же комнате, дышит, улыбается, пишет что-то на бумаге для заметок и вдавливая в стенку очередную кнопку. Кнопка в стенку, кнопка в Светино сердце: этой кнопкой прикреплен ко мне твой улыбка, этой – твой взгляд, когда ты смотришь чуть искоса, на эту крепится то движение, когда ты перекидываешь свой шарф через плечо. Почему ты такой солнечный зайчик: появишься внезапно и сразу исчезнешь, а я еще час смотрю туда, где ты мелькнул. Мы ходим на обед все вместе, и я всегда иду чуть сзади, чтобы смотреть на тебя беспрепятственно.

Так, чем дальше, тем больше она приучилась жить, глядя на Пашу. В выходные думать: ничего, скоро понедельник. В понедельник: вот и он, наконец-то. Обеды вместе в большой компании, проходить мимо его стола по пути к общему чайнику.

Однажды – это была пятница, к концу дня стук клавиатур почти прекратился – она вновь проходила мимо него. Она только что набрала полную чашку кипятка и несла к своему столу осторожно и медленно, держа обеими руками.

Виктор о чём-то говорил с Пашей и она услышала: «В отпуск? Через неделю». Рука дёрнулась куда-то вправо, пальцы обожгло сразу же, от боли слёзы на глазах, вода выплеснулась на ногу, мало, но ощутимо. Стукнула чашку на ближайшую тумбочку, Паша с Витей уже вскочили: «Ты в порядке?», – побежали за тряпкой. «В порядке, только больно», – сквозь слёзы сказала Света, имея в виду совсем не то. «Ещё неделю с тобой в офисе, а потом как мне жить целый месяц?»

После работы она пошла к метро, но на полпути свернула на автобусную остановку. Задумалась, сверилась с адресом в интернете. Автобус подошёл, Света считала остановки и думала. Вышла, прошла по карте: вперед, потом направо и немного во дворы. Дёрнула ручку, колокольчик над дверью звякнул. Подняла глаза.

Перед ней на широких полках в несколько рядов стояли гитары с жёлтыми деками. Направо – маленькие укулеле. Слева проход в следующий зал. Она отправилась туда, прошла витрину с варганами, флейты, пару валторн и остановилась перед скрипками.

«Зачем?» – вдруг подумала с неудовольствием, даже с каким-то негодованием на себя. Но от полок не отошла. Смотрела нахмурившись, сжав губы. Вдохнула. «Какой же я стала слабой».

– Что-то подсказать?

Она вздрогнула, обернулась на тихо подошедшего продавца.

– Я... да... я не уверена, дело в том, что... – сглотнула. Заметила мёртвую муху в дальнем углу полки и совершенно некстати подумала: как давно она там лежит?

– Вы хотите купить скрипку, верно? – спросил продавец, выдержав учтивую паузу.

– Я...я... да. Да, только я не знаю... не знаю, какую.

– Никогда не играли? Желаете начать? Будете брать уроки? Учитель рекомендовал вам что-то конкретное?

– Нет, – рассердилась она, я не... то есть, он не рекомендовал, но вы-то в магазине именно для этого. Расскажите, чем они отличаются и... и которую я могу купить, чтобы научиться побыстрее.

– Только скрипка нужна?

– Да, – продавец уже начал её раздражать, и она хотела поскорее отделаться от него.

– Смычок, чехол не понадобятся?

– Ох, ну что за глупости вы несёте, нужно, конечно! – почти выкрикнула она, но тут же осеклась. – Извините.

Продавец дежурно улыбнулся.

«Ладно, мне надо успокоиться. Если Пашина жена играет на скрипке, то это еще ничего не значит. Я просто узнаю, что да как, сколько это стоит. Не собираюсь же я на самом деле...»
Домой она ехала со скрипкой.

Часть II

Месяц прошёл почти молниеносно.

На следующий день после покупки скрипки она, замерев от собственной наглости, впервые написала Паше в мессенджер. «Привет! Извини, что в выходной беспокою. Можешь помочь найти репетитора по скрипке? Твоя жена ведь играет, она знает, наверное». Паша как-то очень легко ответил, дал контакты учителя, Дмитрия Петровича, не спросил ничего. Она позвонила, назначила дату и начала привыкать. Привыкать к тому, что Паша скоро уедет в отпуск, привыкать к тому, что скрипка это её с ним связь, не известная никому. «Он любит жену, жена любит скрипку, я тоже люблю скрипку, а значит...» Что «значит», она не могла бы сказать, но у неё было от этого «значит» какое-то смутное тёплое чувство. Испугавшись тогда грядущего Пашиного отсутствия в своей жизни, она почти перестала понимать по-настоящему свою реальную с ним связь: коллега с коллегой, вместе обедаем. Вместо этого ей стало казаться, что скрипка каким-то образом соединяет их, что это знак, символ, залог их особенных отношений. И это ощущение крепло с каждым днём, с каждым занятием у репетитора.

Успехи у неё были невероятные. Дмитрий Петрович хвалил Свету за старания, кроме уроков с ним она каждый вечер занималась сама. Закончив, целовала скрипку в струны и только затем укладывала в чехол. Зачёркивала день в календаре: «Скоро он вернётся. Скоро мы увидимся».

Оставалась ещё неделя.

Паша ей не писал: с чего бы; но она думала о нём всё больше. Каждый раз, когда она бралась за скрипку, обхватывала пальцами гриф, ей казалось, что инструмент тёплый, практически горячий. Она играла, плакала, целовала скрипку в струны. Однажды, не сдержавшись, Света заговорила с ней. Укладывала в чехол и неожиданно для себя спросила: «Как думаешь, когда он вернётся, он меня полюбит?»

В комнате висела тишина, плотная настолько, что её можно было резать кусками. Света не замечала ничего, пребывая в каком-то томлении. Медленно-медленно с чувством проговорила единственную строчку из стихотворения Маяковского о скрипке, которую помнила: «Давайте будем жить вместе, а?»

И ещё раз, распробовав – уже быстро: «Давайте будем жить вместе, давайте будем жить вместе, давайте будем жить вместе...» И снова заплакала, с наслаждением и горечью. Неделя,

еще целая неделя осталась до возвращения Паши. Она поняла вдруг, что не вынесет ещё неделю. Ей нужно написать Паше, сейчас же.

Дотянулась до телефона, дрожа, открыла мессенджер. Паша был онлайн.

– Привет!

Пауза. Ещё не прочитал. Света дышала часто-часто, уставившись в экран. Ещё не прочитал. Ещё не прочитал.

«Я слишком нервничаю, надо чаю выпить». Она заварила дарджилинг в небольшом красненьком чайнике. Телефон пилькнул, Света чуть не грохнула кружку.

– О, Света, привет.

«По имени назвал», – улыбнулась она.

– Паша, я так рада, что ты ответил. Как дела в отпуске? Мы все тебя ждём.

– Нормально. Почему ждёте? Я же заявление писал, после отпуска на другую работу пойду.

У неё задрожали губы. Резким движением, не задумываясь, что она делает, Света сбросила чайник со стола, он ударился о стенку, раскололся, осколки упали на пол и раскололись ещё, на ковре растеклась отвратительная лужа.

«На другую работу? На другую? – повторяла она, чуть не визжа. – Ненавижу. Не-на-ви-жу!»

Телефон зазвонил, она крикнула в трубку: «Алло!», даже не посмотрев, кто это, и осеклась: звонил Дмитрий Петрович. Он говорил ей, что переезжает, что ему жаль так внезапно оставлять её, но она способная ученица и может продолжать занятия у другого педагога, он продиктует номер. «Уезжаете? Отлично! Убирайтесь, вместе с другим педагогом убирайтесь, убирайтесь все!» – она швырнула телефон на пол, затем схватила скрипку и замахнулась, готовясь ударить ею в стену. Скрипка казалась ещё тёплой от её рук. Света сделала шаг к стене и наступила на осколок чайника, закричала, бросила инструмент на стол и села на ковёр, обхватив ступню и вымочив юбку о чайное пятно. Осколки керамического чайника, рассыпанные листья подмокшей заварки. «Давайте будем жить вместе? – посмотрев на скрипку, проревела она. – Давайте будем жить вместе...» – и лёжа скрючилась у стены.

Часть III

Щёлк – включилась лампа в прихожей. Света натянула шапку, не глядя в зеркало. Джинсы немного топорщились из-под кофты. Какая разница.

Выходить уже пора, но так не хочется. «Туфли, что ли, обувь, – подумала она рассеянно, – уж год как не носила». Открыла шифоньер. Красные замшевые носиками смотрели на неё, пыльные-пыльные. И правда ведь, год прошёл. В углу шифоньера – серый комок упавшего пальто. Она подняла его, подцепив пальцами левой руки за вывернутый карман. Под пальто оказался чехол со скрипкой. Он стоял немного криво и тоже был в пыли.

Света вздохнула. «И что тогда было с этим... с Пашей? Дура я. Да и ладно. Скрипку, может, продать? Только место занимает».

Бросила пальто в тот же угол, закрыла дверцу. Посмотрела в зеркало, хотела накрасить глаза, но передумала. Сняла ключи с крючка, вышла.

На работу вбежала, опоздав на целых семь минут, ожидая с порога получить выговор. Но в офисе было какое-то необычное оживление, из дальнего угла слышались сразу несколько голосов, её позднего прихода никто не заметил. Она упала на рабочее кресло, одновременно двумя руками включила компьютер и настольную лампу.

За дальними столами кто-то рассмеялся, раздались шаги в её сторону. Света чесанула гребнем волосы, бросила сумку на открытую тумбочку, вцепилась в мышку.

– Светлана! – голос начальника был весёлым, но не насмешливым. Она повернула голову.

Сначала она увидела пуговку. Синюю пуговку на пиджаке. Моргнула, одним взглядом окинула стоящего рядом с начальником мужчину.

– Вот, это Сергей, а это Светлана. Сергей сегодня первый день у нас, выдай ему документы на ознакомление.

– Очень приятно. По технике безопасности? – выдохнула она, поняв, что за опоздание ругать не будут.

– Да. И помогай, если что, вы теперь рядом сидите, Серёжин стол вот тот.

– Поняла, – улыбнулась молчащему новенькому, он улыбнулся тоже.

– Так, Серёж, пойдём, я ещё тебе не показал, к каким розеткам подключаться.

Света распечатала инструкцию, проследила из-за перегородки, когда начальник оставит новенького одного. Встала, чтобы подойти. Из коридора раздалось цоканье каблуков, она вспомнила утренние носики пыльных красных туфель и только теперь почувствовала, что кроссовки жмут в пятке.

– Сергей, вот инструкция, которую Владимир Игоревич просил вам дать.

Он протянул руку, взглянул на документы, потом посмотрел на неё – снизу вверх, ей показалось, что дольше, чем это было бы прилично.

– О, спасибо. Будете помогать мне поначалу, да?

– Точно.

За день она помогла ему освоить приложения к рабочей программе, показала, в какой комнате находится архив и объяснила, в какой день его очередь приносить кофе на отдел. По пути в столовую шла чуть позади, чтобы беспрепятственно рассмотреть Серёжу. Немного думала, немного сердилась – на себя, на него. Он был достаточно симпатичным, с приятным голосом. Интересно, но не очень.

Вечер пришёл будто бы быстрее обычного. На выходе с работы Сергей чуть задержался, у него пока что был временный пропуск, надо уведомить охранника. Коллеги ушли вперёд. Света заколебалась и задержалась тоже, будто бы поправляя шнурки.

– О, Свет, тебе прямо?

– Да, но только до угла.

Пошли рядом молча. Он – спокойно, она – задумчиво.

Остановились на углу, перед тем, как свернуть.

Он увидел её взгляд: немного тяжелый, будто бы оценивающий. Непроизвольно сделал шаг назад и увидел, как губы её сложились на секунду в плотную улыбку.

А затем она сказала:

– Кстати, я играю на скрипке.

Я нарисую

Вера стояла со всеми на общем балконе студенческого общежития в жуткой тесноте. Кто-то судорожно и часто дышал, стараясь не разреветься, у кого-то руки слегка дрожали. В основном же все молчали и ждали, что будет дальше. Двенадцатый этаж, выше идти уже некуда.

Саша стоял рядом с ней. Она уже третий год была в него влюблена и никогда еще не стояла так близко к нему. Но сейчас это было неважно.

Вера тихонько ткнула его локотком: «Не видно, не едут ещё?»

Но никто не ехал.

Вдруг кто-то громко сказал: «Чувствуете?» И все разом затихли, ощутив, что глаза начали немного слезиться. В этой тишине стало особенно отчетливо слышно гудение пламени. Там, внизу, горел десятый этаж, комната за комнатой, огонь глотал их вещи, их учебники, их кастрюльки и шумовки, их личные дневники, краски и кисти, ноутбуки и мебель... Кто-то из девушек громко заревел.

Вера закрыла глаза, и, хоть она старалась не думать об этом, вдруг увидела ясно, чётко, как это всё началось или могло бы начаться. Как где-то в расшатанной розетке возникло замыкание, как сначала медленно начали тлеть обои, затем быстрее и быстрее, за ними слегка задымился угол старенького шкафа. Даже страшно, что такие масштабные вещи начинаются так незаметно.

Вера зажмурилась и стала трясти головой, чтобы выкинуть из неё эти картины, ужасные своей медленностью, неотвратимостью и незамеченностью. Но стало только хуже: на этот раз она вообразила свою комнату. Она думала о том, как горят её альбомы с рисунками. Страница за страницей: акварельные олени в чаще леса, совы с большими глазами, рыбы в ультрамариновом море. Нарисованные карандашами рыжеволосые девушки. Небрежно набросанные восковыми мелками автомобили, магазины и целые города.

«Я нарисую еще. Я нарисую другие миры, я нарисую лучше. Больше оленей, больше сов, и много-много того, чего я еще никогда не видела и не воображала. Русалок. Восходы. Рыцарские турниры. Я нарисую самое невообразимое. Я нарисую себя невестой. Я нарисую себе жениха. Я нарисую Сашу. Я нарисую свою семью и детей – двух дочек и сына. А как будет рада мама! Я нарисую... только убереги меня от огня, убереги, если ты есть...»

И открыла глаза. Саша держал её за руку. «Что?» – одними губами ошеломлённо сказала она.

И затем увидела лестницу в воздухе. Немыслимо. Двенадцатый этаж. Слух уловил звуки сирены внизу. Не там, где ликовал огонь, а совсем внизу, на земле. На родной земле. На земле, куда они спустятся с Сашей вместе. И у них будет время: всё время мира, чтобы нарисовать свою историю.

В Париж!

– Я уезжаю.

Прямо посреди разговора. Только что всё было так хорошо: лето, терраса кафе, лимонное мороженое. Её ноги в туфлях, скрещенные под стулом. Его пальцы, держащие кофейную чашку. И...

– Я уезжаю, – повторил он, подумав, что она не расслышала – сегодня, сейчас.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее, туфли вдруг показались до страшного неудобными. Она осторожно положила ложечку на блюдце.

– Почему? То есть, нет, я имела в виду: куда?

– В Париж, – он улыбнулся почти игриво, наблюдая за её реакцией.

В Париж. Когда-то она мечтала, что они смогут побывать в этом городе вместе.

Однажды он повесил над её столом в студенческом общежитии картинку с Эйфелевой башней: вырвал цветную страничку из журнала, нёс ей, попал под дождь, сам промок, но башню спас. Студентам не нужно ничего, кроме любви и смеха – так казалось ей тогда. Они хохотали, она сушила его волосы полотенцем, он прилаживал картинку к стене на скотч. Шесть лет прошло, а кажется, что сто. Вместо рваных кед кожаные туфли. Вместо кусочка масла, старательно намазанного на горбушку чёрного хлеба, ужины в ресторане. Вместо любви и смеха...

Она сделала вдох поглубже.

– Я тебе больше не нравлюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.